

С. М. КАЗНАЧЕЕВ¹

СТИЛЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЖАНРА ЛИТЕРАТУРНОГО ЗАВЕЩАНИЯ

Статья посвящена специфическим особенностям художественных произведений, написанных в жанре литературного завещания. В ней проводится краткий экскурс в историю бытования этой формы, приведены классические примеры. В начале работы речь идёт об исторической традиции создания литературных произведений данного типа как за рубежом, так и в России. В частности, рассмотрены конкретные случаи бытования своеобразного жанра в поэзии от библейских текстов до Ф. Вийона и Рютбефа, от Г. Р. Державина, М. Ю. Лермонтова и Т. Г. Шевченко до Ю. П. Кузнецова.

Автор внимательно разбирает тонкие психологические нюансы, сопутствующие написанию литературных завещаний. Отмечается патетический и торжественный тон писателей, обращавшихся к данному специфическому виду словесности, ведь любой человек, пишущий завещание, вольно или невольно проникается значительностью и торжественностью ситуации накануне ухода из жизни. Разумеется, всё это влияет на эстетику и стилистику такого рода произведений.

Более подробно проанализированы известные сочинения русских классиков: Н. В. Гоголя («Выбранные места из переписки с друзьями»), В. Г. Белинского («Взгляд на русскую литературу 1847 года»), Ф. М. Достоевского («Братья Карамазовы» и «Речь о Пушкине»), отмечены их языковые особенности и ярко выраженный эмоциональный элемент, характерный для духовного завещания.

Затем автор статьи касается обстоятельств, предшествовавших смерти Ф. Кафки, и последующему поведению его душеприказчика М. Брода, а также излагает трагическую историю, произошедшую на исходе жизни с классиком советской литературы А. А. Фадеевым.

В финале исследования рассматривается стихотворение Ю. П. Кузнецова «Завещание», занимающее особо значимое место в творчестве этого выдающегося русского поэта современности.

Ключевые слова: литературное завещание, духовное завещание, жанр, специфика, воля автора.

Жанр литературного завещания является специфической формой словесности и имеет, с одной стороны, достаточно богатую историю бытования, а с

¹ Сергей Михайлович Казначеев — доктор филологических наук, доцент кафедры теории литературы и литературной критики, ФБГОУ ВО «Литературный институт имени А.М. Горького» (Москва, Российская Федерация); skazn@yandex.ru

другой — весьма компактную сферу применения. Первоначально и главным образом завещание справедливо относили к области деловой литературы. Это правовое понятие встречается уже в кодексе древнегреческого законодателя Солона (VI век до н. э.), затем получает обоснование в римской юриспруденции.

Одновременно с правовым полем возникает необходимость применения этого документа в гуманитарных системах. Завещание не только трактуется как распоряжение, касающееся материальных ценностей, но и экстраполируется на области интеллектуальной жизни. Понятие духовного завещания приобретает черты посмертной воли человека, который стремится оставить своим потомкам нравственные, религиозные, философские заповеди, которые стали бы для них ориентиром на жизненном пути.

Элементы духовного завещания есть в Библии, например, сам Бог даёт завет первым людям в раю (Бытие) или Моисей перед кончиной обращается с наставлением к старейшинам с заветом (песнью), как и на каких этических и ритуальных принципах им надлежит строить существование (Второзаконие). Нечто подобное комментаторы Евангелия усматривают в последних речах Иисуса Христа; аналогичная риторика присутствует в посланиях апостола Павла. Те же самые черты характерны для предсмертных обращений к соотечественникам отцов церкви, национальных лидеров («Поучение детям» Владимира Мономаха и проч.), мудрецов, общественных деятелей.

Наряду с этим формировался и жанр литературного завещания. Речь идёт о случаях, когда человек, имеющий отношение к словесному творчеству, на пороге смерти обращается к потомкам с обоснованием своих эстетических принципов и художественных постулатов.

Как известно, у двери гроба (в пограничном состоянии) человек чувствует особую ответственность, и это обстоятельство влияет на стилистику такого рода сочинений. Именно тем объясняется несколько патетический и торжественный тон автора, ведь любой человек, пишущий завещание, рискует впасть в некоторую высокопарность.

Случалось, что для выражения последней воли использовались стихотворные формы. Широко известны два «Завещания» (Большое и Малое) французского поэта эпохи Ренессанса Франсуа Вийона. В циклах помимо предсмертных рассуждений и определённого рода раскаяния проявляются основные особенности его стиля: дерзость и ирония. В этом смысле он наследовал традицию трувера Рютбефа, составившего пародийное «Завещание осла», в котором отразилась его антиклерикальная позиция.

На русской почве стихотворные завещания также имеют давнюю историю, хотя не всегда они маркировались как сочинения, принадлежащие к этому роду. Сюда может быть отнесена последняя миниатюра Г. Р. Державина «Река времён...»; поздняя лирика А. С. Пушкина, особенно стихотворения «Памятник» и «Странник»; лермонтовские «Сон» («В полдневный жар...») и «Выхожу один я на дорогу»; горькая элегия Е. А. Баратынского «На посев леса»; стихи Ф. И. Тютчева, написанные после смерти Е. А. Денисьевой, особенно — «Есть и в моём страдальческом застое»; ряд последних сочинений А. А. Блока — трагически-просветлённые «Двенадцать», непреклонные «Скифы» и восторженное обращение «Пушкинскому Дому»; предсмертные откровения В. В. Маяковского и С. А. Есенина; попытку заглянуть за предел

бытия Н. А. Заболоцкого; «Я умру в крещенские морозы» Н. М. Рубцова и др. Всё это зачастую транслирует визионерские картины будущего и потому пронизано символическими и аллегорическими фигурами речи.

Другой вариацией является «Завещание» М. Ю. Лермонтова, где акцентирован оригинальный поворот темы. Его принято числить по части автологического стиля, для которого характерно купирование всех форм художественной выразительности.

На первый взгляд, так оно и есть. Но на самом деле этот текст представляет собой один литературный приём: иносказание. Суть в том, что откровения лирического героя следует понимать с точностью до наоборот: внешне он сокрушается по своим родителям, но слова поэта звучат достаточно холодно, зато в строфе, посвящённой соседке, связь с которой, казалось бы, пережита, исподволь прорывается горячий темперамент:

Соседка есть у них одна...
Как вспомнишь, как давно
Расстались!.. Обо мне она
Не спросит.. всё равно,
Ты расскажи всю правду ей,
Пустого сердца не жалеи;
Пускай она поплачет..
Ей ничего не значит! [Лермонтов, 100]

Становится понятным, что ради этих строк и смутной надежды на то, что соседка помнит и любит, и написаны эти стихи.

По-иному решает свои задачи украинский поэт Т. Г. Шевченко. Его хрестоматийное и программное сочинение «Заповіт» (1845):

Как умру, похороните
На Украине милой.
Посреди широкой степи
Выройте могилу,

Чтоб лежать мне на кургане
Над рекой могучей,
Чтобы слышать, как бушует
Старый Днепр под кручей.

И когда с полей Украины
Кровь врагов постылых
Понесёт он... вот тогда я
Встану из могилы...

Схороните и вставайте,
Цепи разорвите,
Злою вражескою кровью
Волю окропите... [Шевченко, 290]

Этот перевод А. Т. Твардовского порой подвергается критике, но в целом достаточно верно передаёт мысль и настроение автора. Перед нами — яркий пример гражданственно-демократической лирики со всеми её атрибутами: патетическая экзальтация, гневный тон, призыв к выступлению против врагов.

Показательным случаем литературного завещания является последняя крупная работа В. Г. Белинского «Взгляд на русскую литературу 1847 года» (Современник. 1848. Т. VII. № 1, 3). В первой части речь идёт главным образом о любимом детище критика — натуральной школе. Более того, как замечает В. И. Кулешов, «настоящая статья была завершающим этапом в создании концепции реализма, складывавшейся в течение всей литературно-критической деятельности Белинского» [Кулешов, 708].

Догадываясь о своей скорой кончине, критик пишет обзор словесности, пытаясь спрогнозировать траекторию её дальнейшего развития. Он обращает свой взор на наиболее перспективных прозаиков — дебютантов недавнего времени и производит снайперски точный отбор имён и заглавий, на которых может рассчитывать и опираться русская литература середины и второй половины XIX века. Белинский называет «Кто виноват?» Искандера (псевдоним А. И. Герцена. — С. К.), «Обыкновенную историю» И. А. Гончарова, «Рассказы (Записки. — С. К.) охотника» И. С. Тургенева, «Деревню» и «Антон-Горемыку» Д. В. Григоровича, «Полиньку Сакс» А. В. Дружинина, прозу В. И. Даля и А. Ф. Вельтмана; упоминает также «Хозяйку» Ф. М. Достоевского, хотя и скорее со знаком минус.

В этой двухчастной статье критик вольно или невольно отходит от привычного для него резкого стиля выражения эстетических позиций, проявляет гораздо больше великодушия и доброжелательности по отношению к собратьям по перу, нежели в прежних своих выступлениях. Стилистая тональность заключительных фраз статьи, её концовка тоже укрепляют нас в предположении, что перед нами не что иное, как духовный завет «неистового Виссариона»: «Довольно работы критике! Пусть каждый выскажет своё мнение, не беспокоясь о том, что другие думают не так, как он. Надо иметь терпимость к чужим мнениям. Нельзя заставить всех думать одно. Опровергайте чужие мнения, не согласные с вашими, но не преследуйте их с ожесточением потому только, что они противны вам; не старайтесь выставлять их в невыгодном для них свете не в литературном отношении. Это плохой расчёт: желая выиграть больше простору вашим мнениям, вы, может быть, этим самым лишите их всякой почвы» [Белинский, 412]. Слово «терпимость», употреблённое в положительном смысле, и рекомендация «не преследовать с ожесточением» показывают, что в душе критика происходил кардинальный моральный перелом.

В начале книги Н. В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847) помещён важный конструктивный элемент, который также назван автором «Завещанием». Обстоятельства болезни и смерти писателя носят загадочный и почти мистический характер. Не менее таинственно звучат некоторые пункты его последней воли: «I. Завещаю тела моего не погребать по тех пор, пока не покажутся явные признаки разложения... Предать же тело моё земле, не разбирая места, где лежать ему, ничего не связывать с оставшимся прахом... II. Завещаю не ставить надо мною никакого памятника и не помышлять о таком пустяке, христианина недостойном... III. Завещаю вообще никому не оплакивать меня, и грех себе возьмёт на душу тот, кто станет почитать смерть мою какой-нибудь значительной или всеобщей утратой... IV. Завещаю всем моим соотечественникам (основываясь единственно на том, что всякий писатель должен оставить после себя какую-нибудь благую

мысль в наследство читателям)... V. Завещаю по смерти моей не спешить ни хвалой, ни осуждением моих произведений в публичных листах и журналах: всё будет так же пристрастно, как и при жизни... VII. Завещаю... но я вспомнил, что уже не могу этим располагать. Неосмотрительным образом похищено у меня право собственности: без моей воли и позволения опубликован мой портрет... Завещанье моё немедленно по смерти моей должно быть напечатано во всех журналах и ведомостях...» [Гоголь, 184–189].

Примечательно, что большинство современников, да и последующих читательских поколений, не смогли воспринять стиль и интонацию гоголевской книги, которая и вся целиком во многом проникнута завещательным духом, а это с неизбежностью повлекло за собой использование специальных языковых возможностей и приёмов: составление документа по пунктам, некоторая отстранённость и торжественность интонации, назидательную интенцию текста, который обращён в то время, когда писателя уже не будет в живых. Даже его соратникам-славянофилам не удалось правильно истолковать смысл и пафос гоголевской переписки.

Вероятно, отчасти в этом был повинен и сам Гоголь, чересчур явно вставший в позу проповедника. Всё-таки рассуждать о будущем стоило хотя бы с малой долей иронии, но, к сожалению, таков был вектор личностной эволюции писателя. В любом случае стилистические особенности этого памятника русской литературы роковым образом сказались на судьбе произведения и самого автора.

Авторская воля, выраженная в этом завещании, не была исполнена: и тело было предано земле без всякой отсрочки, и прах писателя был обеспокоен перезахоронением с массой таинственных перипетий, и памятники писателю были воздвигнуты. Любопытно, что и монументу, созданному Н. А. Андреевым, тоже пришлось постранствовать: с Пречистенского (Гоголевского) бульвара его перенесли в Донской монастырь, а потом установили на Никитском бульваре.

Нарушение воли умершего — явление довольно распространённое, и, зная об этом, завещатели стремятся выразить свои желания по возможности решительно и твёрдо, что сказывается на чеканном стиле формулировок.

Некоторые исследователи наследия Ф. М. Достоевского находят те же черты в итоговом романе писателя — «Братья Карамазовы» (1880). Достоевский обладал ярким пророческим даром: многое предвидел и предрёк. Но оптимистический финал романа, увы, не воплотился в истории: будущность России в двадцатом веке оказалась не столь светлой и братолюбивой. Часто преобладало не благое, идущее от Алёши, а тёмное карамазовское начало: «Власть в свои руки нередко брали потомки тех бесов, о которых предупреждал писатель. А к концу столетия во главу угла вместо национально-государственной идеи был поставлен золотой телец материального процветания. Карамазовские сладострастники, преступники, чревоугодники и воры никуда не сгнули, а правят бал в мире... Опасения Илюши Снегирёва, который говорил своему отцу: “Папа, ведь богатые всех сильнее на свете?” пока что сбываются самым натуральным образом. Но... сражение между светлыми и тёмными силами мироздания за душу человеческую ещё не окончено... Именно в этом и состоит главный завет, оставленный нам в “Братьях Карамазовых”» [Казначеев, 17–18].

В неменьшей степени стиль завещания присутствует и в «Дневнике писателя». Его слова словно обращены не только к настоящим, но и к будущим реципиентам. В 1877 году он произносит слова, глобальный смысл которых раскрывается в наши дни. В годы подъёма общеславянского движения, вызванного действиями на Балканах, писатель бросает взгляд на отношения России с братскими славянскими государствами. Но насколько «братскими»?

В эссе с отчётливо выраженным саркастическим названием «Одно совсем особое слово о славянах, которое мне давно хотелось сказать», Достоевский даёт волю иронической риторике, только интонация эта горькая, пропитанная обидой и слезами: «...по внутреннему убеждению моему, самому полному и непреодолимому — не будет у России, и никогда ещё не было, таких ненавистников, завистников, клеветников и даже явных врагов, как все эти славянские племена, чуть только их Россия освободит, а Европа согласится признать их освобождёнными!»

И пусть не возражают мне, не оспаривают, не кричат на меня, что я преувеличиваю и что я ненавистник славян! Я, напротив, очень люблю славян, но я и защищаться не буду, потому что знаю, что всё точно так именно случится...

Начнут же они, по освобождении, свою новую жизнь, повторяю, именно с того, что выпросят себе у Европы, у Англии и Германии, например, ручательство и покровительство их свободе, и хоть в концерте европейских держав будет и Россия, но они именно в защиту от России это и сделают.

Может быть, целое столетие, или ещё более, они будут беспрерывно трепетать за свою свободу и бояться властолюбия России; они будут заискивать перед европейскими государствами, будут клеветать на Россию, сплетничать на неё и интриговать против неё...

Особенно приятно будет для освобождённых славян высказывать и трубить на весь свет, что они племена образованные, способные к самой высшей европейской культуре, тогда как Россия — страна варварская, мрачный северный колосс, даже не чистой славянской крови, гонитель и ненавистник европейской цивилизации...

России надо серьёзно подготовиться к тому, что все эти освобождённые славяне с упоением ринутся в Европу, до потери личности своей заразятся европейскими формами, политическими и социальными...

Между собой эти земли будут вечно ссориться, вечно друг другу завидовать и друг против друга интриговать. Разумеется, в минуту какой-нибудь серьёзной беды они все непременно обратятся к России за помощью...» [Достоевский, 77–82].

Ораторский талант писателя предстаёт здесь во всём блеске. Увы, как и многие пророчества, это предостережение не послужило уроком, не застраховало нас от беды, и мы пожинаем результаты пагубных тенденций.

Но это — прискорбная черта многих духовных завещаний. В не менее пророческой речи Достоевского о Пушкине (1880) выражен кристально ясный завет, касающийся главных путей развития русского народа. «Смирись, гордый человек!» — фраза стала крылатой. Кажется, она глубоко и верно воспринята аудиторией. Эффект выступления был ошеломляющий, речь носила явные черты психоделического воздействия на публику.

В письме к жене (8.07.1880) Достоевский ликовал: «Наконец, я начал читать: прерывали решительно на каждой странице, а иногда на каждой фразе

громом рукоплесканий. Я читал громко, с огнём... я не скажу тебе про рёв, про вопль восторга: люди незнакомые между публикой плакали, рыдали, обнимали друг друга и *клялись друг другу быть лучшими, не ненавидеть вперёд друг друга, а любить*. Порядок заседания нарушился: все ринулись ко мне на эстраду: гранд-дамы, студентки, государственные секретари, студенты — всё это обнимало, целовало меня... Тургенев, про которого я ввернул доброе слово в моей речи, бросился меня обнимать со слезами. Анненков подбежал жать мою руку и целовать меня в плечо. “Вы гений, вы более чем гений!” — говорили они мне оба. Аксаков (Иван) сбежал на эстраду и объявил публике, что речь моя *есть не просто речь, а историческое событие!..*» [Достоевский, 460].

Вроде бы вот ситуация, когда авторская интенция точно и с воодушевлением воспринята образованными людьми того времени. Но очень скоро тот же И. С. Тургенев холодно отзывается об этой речи; негативные отзывы распространяет К. А. Тимирязев; ответный удар наносят либералы А. Д. Градовский и К. Д. Кавелин, а также народники Н. К. Михайловский и Г. И. Успенский, газеты «Молва» и «Страна». Минута славы закончилась отторжением многих положений речи, а уже в следующем году «гордые люди» Гриневицкий, Кибальчич, Перовская, Рысаков и др. вместо смирения осуществили жестокое убийство Александра II...

Разумеется, литературные завещания — жанр специфический, и, в отличие от юридических документов, содержащиеся в них пункты выполняются далеко не всегда. Франц Кафка заповедовал потомкам не печатать материалов из его архива, но друг и душеприказчик Макс Брод нарушил авторскую волю — представил публичному вниманию большую часть текстов. Как к этому относиться? Художественные интересы и правовые нормы вступают тут в неразрешимое противоречие. С одной стороны, нравственный закон требует неукоснительного исполнения воли покойного. Но, с другой, оставленные в забвении тексты не позволили бы нам составить полное представление о творчестве автора романов «Процесс», «Замок», «Америка» и других сочинений, которые подлежали уничтожению. История австрийской литературы XX века была бы заметно обеднена.

Впрочем, историю с завещанием Кафки нельзя трактовать однозначно. По одним свидетельствам, писатель незадолго до смерти подобно Гоголю сжёг некоторые рукописи. Другие полагают, что Макс Брод поступил своевольно и пожелания Кафки трактовал в свою пользу. Всё это даёт обильную пищу для интерпретаций этой проблемы в Интернете: «Я часто думаю о завещании Кафки. Он поручил своему другу Макс Броду уничтожить часть написанных им сочинений. Кафка очень верно рассчитал, этим завещанием он не только сохранил свои тексты, но даже заставил Макса Брода придать их огласке, напечатать их.

После смерти каждого человека его значение для нас, а особенно для друзей в несколько раз возрастает, и если мы получаем в виде адресованного нам завещания — волю умершего, в которой он просит уничтожить всё, что от него осталось, всё, что было с ним связано, то мы изначально поставлены в тупиковую ситуацию, нам, по сути, не оставляют выбора. Макс Брод попал в ловушку. Он любил своего друга Франца Кафку как человека, а поэтому желал сохранить всё, что было с ним связано. Кафка, когда писал своё “Завещание”, знал, что Макс Брод не выполнит его просьбы. Кафка и не собирался таким

образом уничтожить свои творения. Если бы он действительно этого хотел, то сжёг бы их сам, самолично, а не перепоручал это другим...

Все мы стали свидетелями умело разыгранной интеллектуальной партии под названием «Завещание Кафки» [livejournal.com/48908.html]. Как видим, семантика и стилистика жанра может приводить и к околотературным интригам, разборкам и инсинуациям.

История литературной критики знает также случаи, когда человек обращается к общественности в ситуации глубокой личностной драмы. Советский классик А. А. Фадеев, оказавшись в творческом, моральном и идеологическом тупике, накануне самоубийства официально обращается в ЦК КПСС с предсмертной запиской, а на деле обнародует своё писательское завещание: «Не вижу возможности дальше жить, т.к. искусство, которому я отдал жизнь свою, загублено самоуверенно-невежественным руководством партии, и теперь уже не может быть поправлено. Лучшие кадры литературы — в числе, которое даже не снилось царским сатрапам, физически истреблены... Литература — это святая святых — отдана на растерзание бюрократам и самым отсталым элементам народа... меня превратили в лошадь ломового извоза, всю жизнь я плёлся под кладью бездарных, неоправданных, могущих быть выполненными любым человеком, неисчислимых бюрократических дел... Самодовольство нуворишей от великого ленинского учения... привело к полному недоверию к ним с моей стороны, ибо от них можно ждать ещё худшего, чем от сатрапа-Сталина. Тот был хоть образован, а эти — невежды. Жизнь моя, как писателя, теряет всякий смысл...» [Фадеев, 215].

Это была выстраданная точка зрения, но дальнейшее развитие политической и культурной обстановки в стране даёт возможность отметить, что самоубийство Фадеева было продиктовано индивидуальными аспектами; тем не менее его завещание — любопытный, характерный документ своей эпохи и показывает градус идеологической борьбы в СССР 50-х годов XX века. Стилистически оно отличается публицистичностью фраз и идиом, а кроме того звучит крайне эмоционально и даже экзальтированно, что объясняется высочайшей степенью психологического напряжения и пессимизма, которые испытывал человек, решивший наложить на себя руки.

Мы убедились, что, несмотря на мистическую подоплёку и сакральный смысл, произведения разбираемого жанра, как правило, содержат достаточно чётко и даже чеканно сформулированные положения. Своего предела этот стиль достигает в «Литературном завещании» (1958) Н. А. Заболоцкого, которое из литературного поля решительно убывает в область деловой документации. Но случается, что семантика и метафорика подобного рода сочинений требует специального герменевтического разъяснения. Примером этому служит «Завещание» (1974) Ю. П. Кузнецова. Его лирический герой не заповедует категорий, которые даны были ему в поэтическое пользование, а лишь отдаёт назад:

Объятья возвращаю океанам,
Любовь — морской волне или туманам,
Надежды — горизонту и слепцам,
Свою свободу — четырём стенам,
А ложь свою я возвращаю миру.
В тени от облака мне выroyте могилу.

Кровь возвращаю женщинам и нивам,
Рассеянную грусть — плакучим ивам,
Терпение — неравному в борьбе,
Свою жену я отдаю судьбе,
А свои планы возвращаю миру.
В тени от облака мне выройте могилу.

Лень отдаю искусству и равнине,
Пыль от подошв — живущим на чужбине,
Дырявые карманы — звёздной тьме,
А совесть — полотенцу и тюрьме... [Кузнецов, 97].

Как видим, здесь представлена последовательность неожиданных, далёких от банальности конструкций, которые не могут не озадачить, особенно фраза о возврате авторской лжи — миру. Каждое из сообщений, перечисленных Ю. П. Кузнецовым, требует специальной, углублённой и скрупулёзной расшифровки и внимательного стилистического анализа. Особого внимания заслуживает и то, что завещание создаётся автором в сравнительно молодые годы, когда тот достиг возраста Христа. Впрочем, всё это — тема для отдельного научного герменевтического исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Белинский В. Г.* Собрание сочинений: в 9 т. Т. 8. М.: Художественная литература, 1982. 783 с.
2. *Гоголь Н. В.* Собрание сочинений: в 8 т. М.: Правда, 1984. Т. 7. 547 с.
3. *Достоевский Ф. М.* Дневник писателя // Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 26. Л.: Наука, 1984. 520 с.
4. *Казначеев С. М.* Братья // Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы: Роман: в 2 т. Т. 1. Вступ. статья и прим. С. Казначеева. М.: Терра — Книжный клуб, 2007. С. 5–18.
5. *Кузнецов Ю. П.* Русский узел. М.: Современник, 1983. 226 с.
6. *Кулешов В. И.* Примечания // В. Г. Белинский. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 8. М.: Художественная литература, 1982. С. 629–745.
7. *Лермонтов М. Ю.* Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1964. 696 с.
8. *Фадеев А. А.* В ЦК КПСС // Александр Фадеев. Письма и документы. М.: Издательство Литературного института им. А. М. Горького, 2001. 360 с.
9. *Шевченко Т. Г.* Кобзарь. Стихотворения и поэмы. М.: Правда, 1983. 592 с.

ИСТОЧНИКИ

1. Завещание Кафки // <http://kafka-ru.livejournal.com/48908.html>